

Интервью Л.Ф. Обуховой

М.А. Егорова*,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
mareg59@mail.ru

Воспоминания о военном и послевоенном детстве

Людмила Филипповна, что Вам прежде всего вспоминается из военного детства?

Я была в Москве — наша семья никуда не уезжала, и я смутно помню, что мы должны были прятаться в метро Бауманская. Эскалаторы не ходили, и родителям моим приходилось спускаться и подниматься по эскалатору пешком, чтобы пережить бомбежку. Я помню звук, звук воздушной тревоги. Я помню голод. Это ужасно. Это совершенно невозможно забыть. Для того чтобы как-то жить, мои родители должны были ездить за хлебом. Мои родители были очень бедные, они были неграмотные и уже в таком возрасте, что на фронт не брали. И однажды в такую поездку мама, в самом начале войны, взяла меня собой, я очень хорошо помню, как в какой-то деревне женщины чистили картошку. И вот одна из этих женщин дала мне сырую картофелину. Я помню вкус, и этот вкус незабываем. А это — воспоминания моей сестры обо мне: у меня был фартучек, в котором были карманы, и в эти карманы я собирала корочки хлеба. Так что действительно было трудно.

Я помню такое событие, которое никогда уже больше, я надеюсь, не повторится. Хлеб был по карточкам, и я помню, как моя мама и ее близкие этот хлеб резали на куски и ходили на рынок продавать. С одной стороны моего дома была пуговичная фабрика, с другой стороны был еще дом, у нас был общий двор, и был завод с другой стороны. На этом заводе женщины точили пули. Мы смотрели, как они это делают: вытачивают пули и складывают в коробочки, — а от пули оставалась стружка. Стружка эта была такая красивая, переливающаяся, золотистая с отливками. Вот с этой стружкой мы играли. Еда была очень простая, никогда не было первого, второго, третьего... А всегда были, например, щи, жареная картошка, и я всегда приглашала своих подруг.

Людмила Филипповна, расскажите, с кем Вы жили в военные годы?

У меня были родители и старшая сестра, она была студенткой, уже работала, на фронт она почему-то не попала. А я еще была маленькая. Я этого не помню, но вот что рассказывала мне моя сестра. Когда началась война, еще была жива моя бабушка. Дети были маленькие, и мы кричали, потому что хотелось есть.

Для цитаты:

Егорова М.А. Интервью с Л.Ф.Обуховой (воспоминания о военном времени) // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 3. С. 350–353. doi:10.17759/chp.2016120322

Бабушка, которой было 78 лет, давала одну грудь мне, другую — моей двоюродной сестре, для того чтобы каким-то образом нас успокоить. Но справедливости ради, я хочу сказать: да, это была трудная жизнь, но и в этой жизни были радостные, счастливые минуты.

Людмила Филипповна, с кем Вы дружили в эти годы? Кто были Ваши друзья?

У нас были ровесники, мальчики и девочки из соседних домов. Были из более обеспеченных и из менее обеспеченных семей. Вырваться из этого, из этой труппы, в которой я жила, смогла только я.

А во что вы играли в детстве? И как бы Вы сейчас определили Вашу «ведущую деятельность» военного детства?

У нас были игры в коллективной форме, инициаторами которых были мы сами. И это самое-самое важное для этого возраста. Игрушек, конечно, у нас не было и книжек тоже. Уже к концу войны, в семилетнем возрасте, мы играли в карты. Играли с большим удовольствием, у нас была большая компания. Большую часть времени мы играли во дворе. Родители не были так озабочены присмотром за нами. Несмотря на то, что было страшное, голодное время, мы были очень свободными детьми. Мы могли ходить, куда мы хотели. Обычно играли в ланту, штангу, в ножички. Очень хорошо помню, как мы специально ходили на немецкий рынок. Был такой рынок на улице Энгельса. Тогда на рынке было очень много бедных. Я помню этих несчастных людей. Очень-очень плохо одетых, очень-очень больных. Мы на рынок ходили собирать фантики. У нас конфет своих не было, мы собирали фантики, а потом в них играли. Фантики были для нас драгоценностью.

Я помню, какое удовольствие мы получали от катания на коньках. У меня не было коньков, а у моих друзей были, и мы по одному коньку прикручивали с помощью веревки и палки на валенки. И с удовольствием катались. Катались и на санках.

Мы слушали патефон. В конце войны, когда мы подросли, мы любили устраивать различные театральные постановки. Нас было много, и мы играли в молодогвардейцев. Я была Олегом Кошевым, и мы думали, если будет новая война, то мы тоже организуем такую же организацию как молодая гвардия.

Еще мы ходили в кино, в клуб Маркова, который был неподалеку. Это было не дорого, и можно было

* *Егорова Марина Алексеевна*, кандидат педагогических наук, декан факультета психологии образования, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия. E-mail: mareg59@mail.ru

войти и смотреть несколько сеансов одного и того же фильма много раз. Самым большим счастьем для нас в то время было посещение бани. Для того чтобы попасть в баню, нужно было простоять длинную очередь. Мы ходили, конечно, с мамой, но иногда — и с девочками. И это было для нас развлечением.

Как дети помогали друг другу переживать тяжелую военную ситуацию?

Я бы не говорила «переживать». Это была жизнь. Мы жили. Другой жизни мы не знали. И в этой жизни, слава Богу, были мама и папа, то, что они были живы, это поддерживало. И несмотря на то, что было и голодно, и холодно, и нечего одеть, все равно были радостные моменты: игры, катания на коньках, на санках.

Людмила Филипповна, как Вы считаете, война как-то повлияла на Ваше развитие? Была ли война психотравмирующей ситуацией?

У меня были мама и папа, они меня любили — это было самое главное. Было начало войны, мне еще четырех лет не было. Нас отправили в Подмосковье в детский сад, и я помню суету, связанную с затемнением окон. Бегают взрослые, что-то закрывают; мы же не понимали, в чем дело. Мама приезжала ко мне

туда, и я помню: мы с ней едем верхом на лошади. Стоит хорошая погода, вокруг деревья, где-то течет вода... И мне так хорошо! Это воспоминание с положительным эмоциональным знаком, оно имеет важное значение. Мои воспоминания, несмотря на то, что была такая тяжелая жизнь, — с положительным знаком. И это, наверное, мне помогло в жизни. Тем не менее, я должна сказать, что, конечно, последствия были. Вы вот спрашивали, была ли какая-то психотравма — была, конечно, и она жила со мной всю жизнь.

Мои сын и дочь учились в немецкой школе, и когда к ним приходили знакомые из Германии, мне было очень странно, что в моем доме немцы. А когда я в первый раз поехала в Германию, я всю ночь не спала, я прослеживала этот путь от Москвы до Берлина. Когда мы приехали в Берлин, мне было очень важно дойти до Бранденбургских ворот, тогда еще была ГДР. Я прошла всю эту Унтерлинден до конца с Галей Бурменской, ей тяжело было, а мне во что бы то ни стало это было нужно. Самым главным событием в моей жизни было, когда мы с внуками ели в Рейхстаге мороженое. Это было совершенно невероятно. Для меня вот это ощущение, что я здесь, вместе со своим сыном и внуками ем мороженое, — это пиковое переживание.